

Профессионализм, доверие и проблемы России

Современные исследователи профессий на Западе проявляют настойчивую озабоченность по поводу проникновения рынка в сферу деятельности институтов поддержания профессий и профессионализма, включая государство, университеты и профессиональные ассоциации. По их мнению, подмена профессионального контроля рыночными стимулами и максимизацией прибыли является фундаментальным «вызовом» современного мира. При этом если одни исследователи пытаются обновить основы теории через изучение «профессионализации» новых видов занятий и «дискурса профессионализма» в бизнес-среде*, то другие ставят вопрос о кризисе и вырождении института профессий в том виде, в каком они сформировались в западном обществе в XIX—XX веках**.

Каково место России в этих дискуссиях? Не означает ли это, что она, во многом проигнорировавшая западную традицию изучения профессий, основанную на взглядах Парсонса и других исследователей англо-американской школы***, может спокойно двигаться дальше, не заботясь об обновлении научного аппарата, которым озабочены социологи на Западе?

В теме профессий и профессионализма соединяются многие острые проблемы и «провалы» российской экономики, а также общественной жизни: низкое качество многих товаров и услуг, утрата профессиональной этики и ответственности специалистов в области образования, здравоохранения

МОСКОВСКАЯ Александра Александровна — заместитель директора Института управления социальными процессами Государственного университета — Высшей школы экономики, доцент кафедры Управления человеческими ресурсами факультета менеджмента ГУ—ВШЭ, кандидат экономических наук.

* Подробнее об этом см.: **J. Evetts**. Introduction: Trust and Professionalism: Challenges and Occupational Changes. — «Current Sociology». 2006. № 54. P. 515; **V. Fournier**. The Appeal to «Professionalism» as a Disciplinary Mechanism. — «Social Review». 1999. № 47(2).

** Иное видение проблемы см.: **M. Pfadenhauer**. Crisis or Decline? Problems of Legitimation and Loss of Trust in Modern Professionalism. — «Current Sociology». 2006. № 54; **M. Noordegraaf**. From «Pure» to «Hybrid» Professionalism: Present-Day Professionalism in Ambiguous Public Domains. — «Administration & Society». 2007. Oct. Vol. 39.

*** Подробное исследование причин такого игнорирования не является предметом данной статьи и требует отдельного рассмотрения. Здесь важно отметить, что это был сознательный выбор отечественных социологов (см., например, «Социально-психологический портрет инженера». Под ред. В. Ядова. М., 1977. С. 14—16).

или судопроизводства, обесценение дипломов учебных заведений, слабость гражданской самоорганизации и контроля, даже коррупция в силовых ведомствах. Слабым утешением является присутствие и на Западе многих перенесенных болезней в более мягкой форме. Но в условиях сильных институтов (в западных странах это прежде всего профессиональные ассоциации и университеты) есть кому бить тревогу и предупреждать общество, есть механизмы оздоровления и профессионального контроля. В России подобные институты были либо разрушены одномоментным и ничем не сдерживаемым проникновением рынка в 1990-е годы, либо никогда не существовали.

Инерционный профессиональный контроль после этого какое-то время сохранялся благодаря существованию и активности непосредственно носителей профессий. Но в отсутствие поддерживающих институтов он ветшал и разлагался, тем более что многие профессиональные знания и умения в большинстве своем обесценены. В результате внедрение рынка в сферы, ранее подчиненные «третьей логике» (по Фридсону — противостоящей рынку и бюрократии)*, постепенно ликвидировали основу для поддержания высокого качества знаний и умений работников разнообразных сфер деятельности и отраслей экономики. В этих условиях рассуждения об «экономике знаний» и «управлении знаниями» выглядят, мягко говоря, поспешно и декларативно. Чтобы понять специфику и исследовательскую перспективу взгляда на общественную жизнь с позиций профессий и профессионализма, обратимся к западным дискуссиям на эту тему.

¹ См. J. Evetts. Introduction: Trust and Professionalism: Challenges and Occupational Changes. — «Current Sociology». 2006. № 54.

Исходным пунктом вводной статьи известного британского исследователя Дж. Эветтс, открывающей специализированный выпуск журнала «Current Sociology»¹, посвященный проблемам профессий, служит противоречие, которое она называет то парадоксом, то дилеммой профессионализма. Оно состоит в том, что, с одной стороны, в современных бизнес-организациях отмечается активное обращение к теме профессионализма, который становится популярным слоганом для привлечения клиентов и кадров извне, а также средством повышения ответственности работников внутри организации. Но с другой стороны, происходит видимое ослабление конституирующих признаков профессий, с которыми связывались их становление и особая роль в западном обществе: сокращение профессиональной автономии, отступление профессиональной этики перед экономическими стимулами, снижение доверия клиентов, а значит — и общественного признания за профессионалами особого права на экспертизу и профессиональный авторитет.

Может возникнуть возражение: с одной стороны, в России профессии (или занятия, которые их напоминают) качественно расщеплены по «от-

* «Third logic» — профессиональная логика в отличие от логики рынка и логики бюрократии обусловлена интересами дела, которому привержен профессионал (см. E. Freidson. Professionalism: The Third Logic. L., 2001).

раслевым квартирам» и собственным институциональным проблемам, не будучи поддерживаемыми ни традиционным общественным статусом, ни саморегулируемыми профессиональными ассоциациями. С другой — в самом языке они лишены специфического значения, выделяющего их на Западе. Может ли у нас быть плодотворным взгляд сквозь призму профессий, тем более что и на Западе профессии переживают кризис?

Коротких ответов — два. Во-первых, у нас существует не только профессиональный каркас общества и экономики в виде высокого качества умений и знаний, как делается дело в самых разных сферах хозяйственной жизни, но и озабоченность снижением его прочности. Поэтому вопрос поддержания и развития профессионализма совершенно не праздный, а опыт исследований в этой области существует на Западе. Во-вторых, в целях прогнозирования оптимальных вариантов развития в будущем необходимо понять истоки различий отечественного и западного опыта: ведь и Россия, и западный мир имеют общий технологический каркас профессий, основанный на разделении труда.

Система взглядов на профессии в России действительно отличается от западной, как отличаются и традиции, экономический опыт и институты общественного регулирования. Вслед за ведущими частную практику врачами и адвокатами в западном мире постепенно профессионализировались сложные виды интеллектуального труда, прежде всего в сфере предоставления общественных услуг (образовании, науке, культуре, здравоохранении, социальной работе), призванные противостоять «логике» рынка и бюрократии. В России же произошло так называемое обобществление средств производства, создана плановая экономика, а универсальной моделью профессии был объявлен квалифицированный рабочий как носитель гармоничного сочетания умственного и физического труда².

² См. Л. Бляхман, О. Шкартан. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973. С. 200—203.

Советское «стирание грани между умственным и физическим трудом», преодоление противоречий разделения труда и постулирование социального равенства не способствовали сравнительному анализу качественных различий в содержании и особенностях кооперации труда, общественной роли отдельных занятий и их специфике, в формах поддержания и развития профессионализма. В меньшей степени эта проблема затронула социологию труда, по крайней мере начиная с 1960—1970-х годов. Но и здесь идеология классовой борьбы не способствовала обнаружению особенностей, тем более особой общественной миссии профессий, столь важной для гражданского сознания и общественной интеграции в странах Запада^{3*}.

³ См.: В. Подмарков, И. Сиземская. О профессиональной структуре советского общества. М., 1969; Л. Бляхман, О. Шкартан. НТР, рабочий класс, интеллигенция.

* Подробнее особенности советской квазипрофессиональной модели рассмотрены автором в отдельной работе.

Если же рассматривать проблему укорененности профессий в общественной жизни российского человека, то можно обнаружить существование некоего поля явлений, обозначаемых словами «профессия», «профессиональная структура» и «профессионализм» в родственном западному пониманию смысле. В советском сознании этот сдвиг произошел примерно в 1960—1970-е годы и совпал с мировыми сдвигами в профессиональной структуре — когда все большее число занятых оказались сосредоточенными в сферах интеллектуального труда, включая исследовательские и инженерные лаборатории в отраслях материального производства. В советской социологической науке на то же время приходится развитие индустриаль-

⁴ См. «Социология в России». ной социологии и появление штатных социологов на Отв. ред. В. Ядов. М., 1998. промышленных предприятиях⁴.

Совершенно очевидно, что процессы, связанные с совершенствованием профессий и вызванные научно-техническим прогрессом, в России шли в том же направлении, что и на Западе. При этом у нас сдерживание дискурса профессионализма компенсировалось развитием дискурса интеллигенции, получившего новый импульс благодаря «шестидесятникам» и отразившегося в поздней советской литературе, спорах «физиков и лириков» и советском «застойном» кино с его героическими чертами энтузиастов-ученых — таких, как Гусев из «9 дней одного года», Данкевич и Крылов в «Иду на грозу», Бармин в «У озера» в 1960-х, а затем более лирическими и ностальгическими героями профессиональной повседневности (например, хирург Мишкин из одноименного фильма, Илья Семенович из «Доживем до понедельника» и др.).

В отличие от профессий и профессионализма, дискурс интеллигенции носит менее определенный характер и не имеет ясного хозяйственного воплощения. Он принципиально отделен от качественно определенной трудовой деятельности и кооперации, что делает его менее продуктивным в сегодняшнее время. Кстати, сила приведенных примеров советских фильмов в том, что в них-то это конкретное профессиональное воплощение как раз и присутствует: они рассказывают о человеке дела в его конкретной, профессиональной реальности и одновременно высоком общественном значении.

Проникновение в смысл и феномен профессий можно иллюстрировать и на совершенно неожиданных, даже курьезных примерах. В известном фильме Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» режиссер Якин, упоминая о своей профессии, использует французское выражение «profession de foi», которое, по мысли авторов, должно представить его как пустозвона и позера: ведь дословно «profession de foi» — это «исповедание веры», кредо, а не профессия. В действительности Якин, вероятно, оказывается более правым, чем авторы фильма: ведь режиссерская профессия в современном мире безусловно относится к «профессиям» в их специфическом смысле, причем даже в большей степени, чем актерская (хотя как раз актеров на жаргоне называют «the professions»). «Профессиональность»

режиссерской деятельности состоит, в частности, в глубокой вторичности обучения техникам в ней по сравнению с овладением искусством, существовании высокого барьера на вход в виде особых склонностей, вдобавок к этому требуется наличие жизненного и профессионального опыта, без которых нельзя достичь подлинного мастерства.

Выражение «profession de foi» весьма близко к содержанию понятия «профессия» в ее исходном смысле («profession» — миссия, данная свыше, призвание). Стоит вспомнить, что Иван Васильевич (и Бунша, и Грозный) по сюжету фильма меняет вовсе не занятие, а общественную роль. Замена царя на домоуправа и наоборот — в комической и символической формах показывает различие глубинного смысла «управленческой» деятельности при погружении в разный социальный контекст. С одной стороны, управление предстает как объединяющая подданных социальная миссия («царь»), с другой — оно оказывается регулярной деятельностью по соблюдению норм общежития («домоуправ» *ср.* с «нормализацией» Фуко). Разумеется, ни «домоуправ», ни «царь» — это не «профессии» в «чистом» виде. Но тем тоньше и живописнее оказывается различие между настоящим и мнимым носителями современной профессии, которыми в фильме в действительности являются герой Демьяненко, перенесший научные опыты с машиной времени с работы домой на время отпуска, и уже упоминавшийся режиссер Якин, запутавшийся не только в женщинах, но и в известных советских актерах. Этот профессиональный план, важный для нашей темы, в фильме существует как фон. Но, как и всякое настоящее искусство, он отразил естественные общественные процессы.

Здесь необходимо кратко остановиться на смысле «профессий», сопоставив специфическое значение термина «profession» с содержанием, в него вложенным западными исследователями. Профессионализм в англо-американской традиции, на базе которой сформировалась современная западная социология профессии, а затем и более широкие междисциплинарные исследования в той же сфере, имеет обширную смысловую нагрузку, названную американским исследователем Д. Сциулли «структурной и институциональной инвариантностью профессий и профессионализма». К ним относятся: длительное специализированное обучение; освоение в ходе его не только «техник», но и «искусства» в профессиональном смысле; потребность в автономии и свободе действий для осуществления профессиональной деятельности как условие реализации этого «искусства»; самоорганизация и контроль со стороны профессиональных ассоциаций; кодифицируемые стандарты этического поведения, обеспечивающие как самоконтроль, так и неформальный социальный контроль со стороны профессиональной группы; доверие клиентов и т. п.^{5*}

⁵ См. D. Sciulli. Structural and Institutional Invariance in Professions and Professionalism. Report to ISA Interim Conference «Challenges to professionalism: Limits and benefits of the professional model». Oslo, 12–13.09.2008.

* Д. Сциулли указал на десять характеристик, тогда как здесь перечисляются лишь некоторые основные из них.

Смысл этих атрибутов состоит вовсе не в том, чтобы выделить из общей массы «главные» занятия (многие из перечисленных выше критериев присутствуют далеко не только в сфере умственного или экспертного труда). Цель «профессионализации» — в концентрированном виде сосредоточить некое «всеобщее начало», фиксирующее важный общественный и даже гуманистический смысл «делания своего дела», отличный от соображений «чистой» материальной выгоды в рыночной экономике. Этот всеобщий смысл состоит, во-первых, в заинтересованности «делающего дело» в содержании своего труда, в его общественной значимости, не зависимой от рыночной оценки, но подтверждаемой профессиональной кооперацией и признанием потребителя.

Говоря о профессиональном «делании дела», я намеренно не использую слова «работник» и «труд», чтобы акцентировать «неотчужденность» работника от процесса труда и от его непосредственного результата. Собственно, для преодоления этого отчуждения в бизнес-организациях и стал использоваться «дискурс профессионализма», о котором пишет Дж. Эвэтс. Другим важным фактором «всеобщности», заключенной в профессиях, служит возвышение знания в качестве особой ценности труда, его результатов и его носителя. Наконец, бесспорным достижением феномена профессий является проявление в них профессиональной кооперации и общественного взаимодействия с такой силой, что в XIX—XX веках — в самый разгар развития капиталистической рыночной экономики — в форме профессий и корпоративных профессиональных институтов, по существу, сформировалась структура, противопоставленная рынку и отстаивавшая общественные интересы (разумеется, лишь в определенном объеме: в котором этого касается конкретная профессиональная деятельность).

Чтобы выявить специфику западного (прежде всего англосаксонского) понимания профессий, сегодня распространенного на широкий круг интеллектуальных занятий, необходимо присмотреться к двум «классическим» (или «архетипическим», по выражению Эвэтс) — это частная практика юристов и врачей. То, что именно они стали первыми «профессиями», имеет важное формальное и содержательное значение. Содержательное — поскольку обе профессии относились к редким на тот момент видам умственного труда, подразумевавшим обладание особыми знаниями, носящими характер священнодействия для непосвященных (отсюда внешнее сходство с деятельностью священника). Естественное следствие того — опора на доверие и даже веру «клиентов» в способности профессионала-практика наилучшим образом выполнить возложенные на него профессиональные обязанности. Кроме того, по своей сути обе профессии — как медика, так и юриста, — предполагали оказание услуг, затрагивающих сферы, ключевые для человека буржуазной цивилизации: здоровье и имущество (очевидна также связь с семейными ценностями и благополучием).

Формальное значение этих профессий в качестве «архетипов» профессионализма связано с организацией труда: оказание медицинских и юридических услуг имело характер частной практики и предполагало общение с клиентом с глазу на глаз, требовало сохранения профессиональной тайны (как врачебной, так и юридической). Отсюда, с одной стороны, необходимость установления доверительных отношений между профессионалом и клиентом, с другой — потребность в автономии и свободе действий профессионала-практика. В свою очередь последнее создавало необходимость установления особых форм контроля, не похожих на таковой бизнес-организаций и рынка.

Чтобы получить право на такую практику, кандидат должен был пройти серию посвящений, включая длительную социализацию в среде профессионалов и профессиональное обучение мастерству. Кроме того, в течение профессиональной деятельности требовалось поддерживать постоянную связь с профессиональной корпорацией и подтверждать соответствие «посвящению». Наконец, процесс профессионального обучения и социализации осуществлялся так, чтобы (как это происходит и у священников) внешний профессиональный контроль ретранслировался во внутренний.

Таким образом, как по форме, так и по назначению уже на заре своего становления профессии выполняли важнейшие общественные функции, связывающие благополучие граждан с благополучием государства*. Их появление и институционализация стали не только значимым шагом в рационализации общественной жизни, предполагавшим переход от решения частных проблем посредством религиозного культа к упорядоченной системе освоения и практического применения знаний. Уже в «архетипе» профессий содержались элементы и традиционной культуры (посвящение, приобщение к сакральному, общественная миссия), и буржуазного партикуляризма (частный характер практики, «нормализация» общественных услуг, их вписанность в рынок, разделение по видам специализации**)

* Вопрос о времени становления профессий не во всем очевиден. Д. Сциулли критикует традицию социологии профессий рассматривать профессии как квинтэссенцию модернизации, ограничивая историю их становления XIX веком. Его собственное исследование показывает возникновение будущей профессиональной модели на примере Королевской академии живописи и скульптуры XVII века во Франции (см. D. Sciulli. Professions before Professionalism. — «European Journal of Sociology». 2007. Vol. 48. № 1). В настоящей статье, говоря о «классическом становлении» профессий, имеется в виду устойчивая традиция их рассмотрения с ориентацией на практику XIX—XX веков.

** Ссылка на «нормализацию» Фуко здесь не случайна. И он, и использующая его методологию В. Фурнье рассматривают организацию буржуазного общества как дисциплинарный механизм. Не касаясь деталей концепции Фуко, сосредоточимся лишь на имеющем прямое отношение к проблемам профессий. Если Фурнье обращала внимание на современную тенденцию использования системы самоконтроля профессионалов как способа дистанционного контроля над ними со стороны бизнеса, то у самого Фуко связь между дисциплинарным механизмом и профессиями выглядит более общей. Исторически выделение экспертизы в разряд специализированного вида деятельности он рассматривает как один из первых этапов новой буржуазной системы власти над людьми — приведение к системе норм, «нормализация» (см. соответствующее примечание в переводе статьи Дж. Эвретс).

одновременно, наконец зачатки черт, свойственных будущему информационному обществу (распространение занятий, основанных на знании).

Развитие исследований профессий происходило на Западе на протяжении всего XX века. Несмотря на разногласия между исследователями, общим до недавнего времени оставалось следующее представление: профессии и профессиональные сообщества противостоят бизнесу (и как рынку, и как организации), находятся на стороне гражданского общества. Считалось, что там, где вторгается «логика рынка», происходит эрозия профессий, с которой борется профессиональное сообщество. Поэтому попытка бизнеса использовать дискурс профессионализма для регулирования качества труда работников и повышения их заинтересованности в результатах, отмечаемая Эветтс, — уже есть вызов *status quo* профессий.

В российских компаниях призыв к профессионализму и дискурс профессионализма не носят ярко выраженного характера и не имеют того значения, о котором Эветтс говорит на примере западных компаний. Эта закономерность обусловлена отсутствием в России укорененного на Западе представления о профессиях как особых привилегированных общественных кластерах, в которых заключены экспертное знание, общественный статус, доверие общественности и все то, что выделяет их в системе занятий. В российском контексте рациональный смысл профессий редуцируется до прикладного понимания профессионализма как высокого качества знаний и умений работников, в том числе физического труда.

Изменения наметились лишь в ходе экономического подъема в 2000-е годы, когда стал особенно ощущаться выход на пенсию работников советских поколений. В бизнес-среде возросли опасения кадрового дефицита, и тогда «дискурс профессионализма» проявился в рассуждениях о важности профессионального обучения, профессиональных компетенций и профессиональных стандартов. При этом нередко разъяснялось, что компания нуждается в молодых кадрах — нередко рабочих специальностей, в восстановлении преемственности в передаче навыков и умений от старших и более опытных работников к молодым (острота проблемы объясняется отсутствием среднего поколения профессионалов), в мотивации менеджеров и офисных работников, в контроле над профильными учебными заведениями, поскольку умения и знания выпускников не соответствуют требуемым компетенциям и пр.

Выше уже подчеркивалось, что поворотный сдвиг интереса общества и общественных наук к сложным видам интеллектуального труда в мире и России пришелся на 1960—1970-е годы. Сегодняшняя трансформация профессиональной структуры, связанная с расширением доли экспертного знания и интеллектуальных услуг, зарождалась именно в то время. Она происходила не столько за счет расширения отраслей социальной сферы,

традиционных для «профессий» в западном смысле слова (таких, как медицина, социальная работа, образование, наука, искусство), сколько внутри самой промышленности — в виде создания инженерных, опытных, конструкторских, химических лабораторий и подразделений, занятых исследовательскими разработками и прогнозами.

Развитие сегодняшней «информационной экономики» и «экономики знаний» берет начало как раз оттуда. Собственно, культ инженеров отмечен еще в 1920—1930-е годы на волне индустриализации (не только российской). Но тогда отдельные инженеры индивидуальным знанием и талантом придавали импульс массовому производству. В 1960—1970-е годы появление заметных групп работников, наделенных экспертным знанием внутри индустриальной системы, наряду с общим ростом квалификации персонала ознаменовало приход нового «типа» массового работника, работника-специалиста в иерархические промышленные организации.

Это явление вызвало ответный интерес бизнеса к управлению человеческими ресурсами как системному направлению менеджмента на Западе. Новый тип работника предъявлял новые требования к управлению: стандартизация и жесткость трудовых операций и взаимодействий как дисциплинирующая и упорядочивающая структура оказались поставленными под сомнение. В 1970—1980-е годы в западных школах бизнеса появились и получили распространение новые дисциплины, связанные с социальным компонентом менеджмента: по индустриальной психологии, организационному поведению, управлению персоналом. Управление человеческими ресурсами стало рассматриваться в категориях стратегического управления несколько позже — в 1990-е годы, с массовым распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), когда труд, «основанный на знаниях» (knowledge-based occupation), стал широко распространенным явлением.

Движение по указанному вектору — появление экспертного знания внутри организаций, революционизирующее управление организациями и ведущее к совершенствованию управления человеческими ресурсами, расширению автономии профессионалов, — столкнулось в России с серьезными препятствиями. Помимо советских идеологических конструкций развитию российского (а прежде — советского) дискурса профессионализма мешали специфические традиции управления предприятиями, в частности персоналом. Прерогативой менеджмента советских предприятий было управление производством⁶. Кроме этого управление человеческими ресурсами в своих основных функциях было перераспределено между разными уровнями управления внутри и за пределами предприятия — найм,

⁶ См.: С. Кларк. Чисто советская форма капитализма? — «Журнал социологии и социальной антропологии». 2004. № 3; В. Кабелина. Изменение функций и статуса линейных руководителей. — «Социологические исследования». 1998. № 5.

выбытие, обучение, формирование кадрового резерва, даже оценка регулировались не одним, а сразу несколькими центрами принятия решений (линейным менеджментом, директором, партийными структурами, министерствами и ведомствами, профсоюзами и пр.).

В результате фокус управления людьми внутри предприятия был вынужденно смещен в технико-производственную область. Примеры включения социологических служб в систему кадрового управления на ряде ведущих предприятий в позднесоветский период, как и исследования советского времени в области индустриальной социологии, не смогли изменить массовую модель. Привычка рассматривать работников в качестве производственно-технических единиц не только обедняла видение перспектив кадрового менеджмента, но и тормозила формирование дифференцированного подхода к профессиональному развитию работников, аккумулярованию интеллектуальных ресурсов предприятия.

Внимание на развитии «человеческого фактора» в управлении предприятиями, а также проблемах мотивации в исследованиях экономики труда в позднесоветский период — признаки косвенного осознания этого недостатка управления человеческими ресурсами (хотя в целом социология профессий в ее «классическом» виде воспринималась как нечто чужеродно-буржуазное). Не случайно в период перестройки рецептом повышения эффективности труда стали «развитие чувства хозяина» и «хозяйственный расчет», а не повышение статуса экспертного знания и инновации. Идеологически это было более логично: уж если принимать прививку капитализмом, то его «народный» вариант выглядел меньшей уступкой, чем капитализм меритократический.

Но затем начались рыночные реформы 1990-х с их установкой стать «как они». Почему же ренессанс ценности профессий и профессионализма, начавшийся в то время на Западе, не был взят на вооружение российской экономикой в период «капиталистических» реформ? Самое общее объяснение состоит вот в чем: как отмечалось выше, профессии и профессионализм как их свойство прямо противостоят рынку (по крайней мере так происходило почти два века их наблюдаемой истории). Есть, однако, и еще две специфические проблемы (которые, впрочем, рано или поздно отойдут на второй план). Первая связана с затронувшим Россию техническим регрессом на фоне экспансии рынка как средства оценки продуктов и занятий. Если в позднесоветской экономике основной проблемой было техническое и технологическое отставание от развитых стран, то в 1990-е годы модернизация многих ключевых отраслей экономики была не просто заморожена, но и двинулась вспять.

Долгое время экономика просто не предъявляла спроса на экспертные знания даже в существовавшем до реформ объеме. Термин «деиндустриа-

лизация» емко характеризует суть процесса: не «вперед — к сфере услуг», а «назад» — к более низкому уровню индустриального развития. Произошла тотальная переоценка занятий, знаний и умений, в которой умственный труд пострадал существенно сильнее физического. В силу известных «провалов» рынка в условиях разрушения других институтов регулирования, включая государство, разом оказались «ненужными» целые отрасли бюджетной сферы, в том числе «классические профессии» (врачей, научных работников, деятелей искусства), а востребованные рынком (экономисты, юристы) должны были спешно переучиваться ввиду радикальных изменений институциональной среды. Едва ли не самые серьезные человеческие потери понесла наука. За 1991—1998-е годы численность занятых в этой сфере сократилась на 53 процента (на втором и третьем местах — строительство (40 процентов) и промышленность (37 процентов) соответственно)⁷.

⁷ См. Т. Tchetvernina, A. Moskovskaya, I. Soboleva, N. Stepanchikova. Labor market flexibility and employment security. Russian federation. — «ILO». 2001. № 31. P. 7.

Только с оживлением экономики в начале 2000-х годов вопрос о восстановлении профессиональных кадров и системы их подготовки был поставлен российским бизнесом на повестку дня. Но это еще не было обращением к «дискурсу профессионализма» в том смысле, о котором пишет Эветтс. Экономический кризис может замедлить процесс повышения значимости квалификации и экспертных знаний в экономике, но он не способен повернуть его вспять, поскольку перспективы выхода из кризиса напрямую связаны с ресурсами повышения эффективности организаций и отраслей, а они в свою очередь зависят от знаний и интеллектуального капитала. Поэтому можно рассчитывать на изменение ситуации. Как только прибыль российских компаний станет зависеть от деятельности собственных прогнозных, проектных и опытных лабораторий, вопрос о ценности «знания дела» возникнет сам собой. Консультанты по управлению человеческими ресурсами и стратегическому развитию смогут лишь немного корректировать этот процесс. Пока же спрос на эти услуги со стороны российского бизнеса весьма скромный.

Кроме уже упоминавшейся проблемы повышения эффективности управления человеческими ресурсами как носителями экспертного знания в организациях существует необходимость решения проблемы «провалов рынка» в регулировании общественного сектора со стороны государства, поскольку эти отрасли представляют собой области повышенного интереса и чувствительности населения. Прежде всего речь идет о здравоохранении, образовании, искусстве, культуре и др. — ведь именно в этих отраслях традиционно наиболее высока доля занятий интеллектуального и экспертного труда, который является основой «профессий».

Помимо традиций особого социального положения носителей отдельных видов деятельности (например, юристы, медики), которые есть в западных странах и которых почти нет в России*, существует рациональное основание для создания особой ауры и социальной мифологии вокруг профессий общественного сектора, работники которого заняты оказанием услуг, отвечающих общественным нуждам. Особый социальный статус нужен для мобилизации кадров в эти сферы в условиях, когда распространение бизнеса подрывает экономические основы существования соответствующих видов деятельности. Признание обществом (и государством?) особой общественной роли этих профессий способно компенсировать недостаток дохода (разумеется, в том случае, если его хватает на обеспечение необходимых стандартов жизни соответствующего социального слоя). Причем дискурс профессионализма, который может возникнуть и изнутри отраслей общественного сектора (его работников), нуждается в поддержке не только для мобилизации трудовых ресурсов, но и для их удержания, включая поддержание высокого качества оказываемых услуг. Такую поддержку в России могло бы оказать государство, ориентируясь на опыт континентальной Европы.

Однако особенное общественное значение и признание — это именно то, чего постепенно лишаются профессии в современном западном мире и о чем ностальгируют их исследователи. С одной стороны, утрате «прежнего блеска» способствовали маркетизация профессиональных услуг и интервенция бизнеса в общественный сектор. С другой — монополизация значимых сфер общественных услуг привела к злоупотреблениям, снизившим доверие демократически настроенной общественности западных государств. С третьей — те же процессы расширения сервисных и экспертных услуг и ответное внимание бизнеса к профессионализму десаκραлизируют соответствующие профессии, делая их более будничными и подобными другим, что в свою очередь снижает статус и признание со стороны населения. Именно на это указывает Дж. Эветтс как на парадоксы профессионализма. В России это уже произошло. Так каковы же уроки для будущего?

Прежде всего обратим внимание на последствия кризиса-2008 в сфере общественного доверия к профессионалам. Есть все основания утверждать, что многие негативные результаты процесса проникновения рынка во все сферы жизни (приведшие к эрозии профессионализма на Западе) будут пересмотрены, более того — пересматриваются уже сейчас. Во-первых, западное общественное мнение все чаще признает, что степень интервенции рынка в общественную жизнь в виде непомерных расходов, демонстратив-

* Следует признать, что в СССР в отдельные периоды истории такая роль была, например: у инженеров — в 1930-е годы, у естествоиспытателей и «физиков» — в 1960-е, у представителей культуры — в позднесоветский период, у науки — большую часть советского периода.

ного потребления и жизни в долг была явно избыточной. Во-вторых, на уровне государств появляются признаки понимания важности коммунарности, взаимопомощи и социальной сплоченности. Последний термин происходит вовсе не из советского прошлого. ЕС провозгласил инициативу по проведению регулярных конференций министров по вопросам социальной сплоченности (отвечающих за социальный блок в своих правительствах) европейских государств для обсуждения путей решения общих социальных проблем.

Между тем обаяние профессионализма состоит в следующем: особое положение профессиональных групп в обществе дает им возможность более активно влиять на общественно значимые решения и экономическую жизнь. В условиях мирового кризиса предположения о возможном закате традиционных профессий в западном мире могут оказаться преувеличенными, а сам закат — отмененным. Многие будут зависеть непосредственно от носителей профессий как активной гражданской силы. Ведь одними из главных институтов профессионального контроля являются горизонтальные связи, в том числе деятельность формальных и неформальных профессиональных ассоциаций.

Как раз на особом гражданском назначении профессий настаивает Д. Сциулли⁸. Известно, что на Западе широкое развитие получили гражданские организации, занятые различными социальными функциями. Сегодня им отводится особая роль, поскольку в силу особенностей их позиции (социальная миссия, доверие, приверженность профессии, жесткий отбор, саморегулирование, профессиональная автономия) они способны высказываться по общественно значимым вопросам от имени общества и в его интересах. В отличие от профсоюзов, они говорят от имени не своих членов, а своего «дела», что подразумевает интересы получателей их услуг — населения в целом. А потому, хотя в России и не развито гражданское движение, но существует значительный потенциал гражданской активности, связанный с наиболее квалифицированными и профессиональными группами: преподавателями вузов, учеными, деятелями культуры, учителями (кстати, именно из таких людей состоят немногие успешные НКО). Ведь, в отличие от многих других групп населения, у них кроме образования и знаний, тесно переплетенных с общественными нуждами, есть постоянная профессиональная потребность в горизонтальных связях и профессиональном признании коллег. В таком смысле они сравнительно мало зависят от иерархии. При этом поддержка профессиональной сети служит более серьезным и устойчивым потенциалом и социальным капиталом, нежели ограниченные локальные связи гражданских организаций, созданных «снизу» как «grass roots».

Перспективы освоения Россией опыта и потенциала инновационного развития, накопленного в промышленно развитых странах, а также

⁸ См. D. Sciulli. Professions before Professionalism.

ее способность выйти из кризиса с обновленной экономикой зависят от того, сформируются ли здесь устойчивые социальные слои, продвигающие интересы дела в общих интересах. Ошибкой было бы считать, что такой единоличной силой могут служить бизнес и его «социально ответственное поведение». Хорошо известно, что в отсутствие сильных общественных структур, предъявляющих спрос, знающих, о чем спрашивать и как ответить, эволюции бизнеса в направлении социальной ответственности не происходит (что, собственно, мы и наблюдаем в России).

Профессионализм — это тема, богатая не только прошлым опытом и исследованиями, но и широкими перспективами. Ведь этот феномен сводит воедино процессы, относящиеся к разным сферам жизни: экономике, управлению, специфике отдельных жизненно важных отраслей и социальной структуры, общественным интересам и гражданской ответственности.

